

УДК 323/324(470+571):316.77

А.Ю. Антоновский
ОТ ИНТЕГРАЦИИ К ИНФОРМАЦИИ. К КОММУНИКАТИВНЫМ
ТРАНСФОРМАЦИЯМ В РОССИЙСКОЙ НАЦИИ¹

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора Социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: ras189@mail.ru.

Автор статьи отвечает на вопросы, возможно ли в российских условиях совмещение социальной стабильности и информативного характера политической коммуникации, возможна ли неконфликтная переработка объективной информации. Также автор задается вопросом, способна ли политическая коммуникация высвободить себя из самореференциальной замкнутости, когда из всякого сообщения извлекается исключительно информация о сплоченности коллектива, о том, настроен ли контрагент на конфликт или на консенсус.

Ключевые слова: социальная интеграция, трансформация политической коммуникации, наблюдение второго порядка, протестное движение, избирательный процесс, социальные технологии, теория коммуникативных систем.

Теория коммуникации: от мотивации сплоченности к информационным описаниям

В ряде прошлых статей, посвященных процессу трансформации коммуникации, мы показали, как мотивационные ориентиры коммуникации меняются на преимущественно информационно-ориентированное общение. В первом случае основным содержанием коммуникации было *сообщение* о сплоченности сообщества. Во втором существенную роль играет *предметное описание* обсуждаемой темы. В данной статье на конкретном примере избирательного процесса в России будут реконструированы социальные технологии *избегания* предметных описаний, в первую очередь в политической и медийной сферах.

Теоретической базой исследования социальных технологий в сфере избирательного процесса будет служить теория коммуникативных систем, развиваемая рядом зарубежных исследователей, в частности Никласом Луманом и Юргеном Хабермасом. Из такого рода высокой теории, в свою очередь, может быть выведена теория *среднего уровня* — теория коммуникативных медиа. Речь идет, с одной стороны, о *медиа распространении коммуникации* — письменности, печати, электронных СМИ, с другой же — о генерализированных символических медиа коммуникативного успеха — истине, власти, деньгах, вере, собственности и т.д.

© Антоновский А. Ю., 2012

¹ Статья написана при поддержке фонда РГНФ, проект № 11-03-00050, а также проект № 10-03-00085.

Указанные подходы объясняют реально функционирующие социальные технологии, которые разрабатываются не теоретиками, а, скорее, просвещенной частью аппарата действующей власти, представители которой хорошо знакомы с механизмами формирования общественного мнения и избирательных технологий. Социальные технологии такого рода подробно разработаны в трудах У. Липпмана, Дж. Цаллера, П. Шампаня.

Липпман обращает внимание на пространственно-временную ограниченность восприятия отдельного индивида, заставляющую его с необходимостью обращаться к *другим* в поисках информации по большинству актуальных вопросов современности. Тот или иной *другой*, специализирующийся на конкретном аспекте политики, наделенный специальными полномочиями, выступает неким когнитивным орудием, средством наблюдения глобальных пространств и глобальной истории. *Информационные* возможности наблюдения индивида принципиальным образом ограничены его интегрированностью в социальный контекст или *социальное* измерение коммуникации. Индивид, осуществляющий выбор в процессе голосования, вынужденно зависит от сведений, поставляемых ему некоторым *другим*: компетентным (политиком в СМИ) или специально уполномоченным лицом (членом избирательной комиссии).

В генерировании информации, таким образом, изначально закладываются два — зачастую противоположных — значения: *объективности* данных и консенсуса с *другим*. В различные эпохи и в разных обществах тот или иной полюс генерирования коммуникативно-значимой информации получал большее или меньшее значение. Но в качестве порога, разделяющего современные и традиционные коммуникативные технологии, информационную ориентированность общения и заинтересованность в консенсусе, я бы выделил некоторую базовую дистинкцию, а именно различие *сакрального* и *публичного*. На мой взгляд, все традиционные, домодерные общества в той или иной сфере сохранили ориентацию на тайну, табуирование, коммуникативный запрет, выводящий из-под публичного обсуждения большие сферы социальной реальности и в этом смысле являющийся одной из важнейших социальных технологий. Ниже я коснусь общих социально-технологических функций сакрализации и тайны в домодерных обществах.

Другой идеей названных теоретиков является идея вынужденной стереотипизации наблюдений индивида, осуществляющего выбор. Речь идет о редукции сложности внешнего мира как единственном средстве его коммуникативной переработки. «Информация — высокоизбирательный и стереотипизированный образ происходящего... Общественность вряд ли хотела бы поддерживать высокую информированность о безграничном мире, находящемся далеко за пределами его непосредственного опыта» [4]. Это стереотипическое, редуцированное представление о внешнем мире имеет мало общего с фактическим объективным положением дел.

Однако разоблачение стереотипической картины реальности, безусловно, сопряжено с возможными разочарованиями в ожиданиях и, как показывают социологические исследования², оказывается психологически нежелательным уже со стороны самих индивидуальных наблюдателей. Ведь это подразумевало бы разрушение сложившейся системы ценностей и идеалов, утвердившихся, возможно, уже в детском возрасте и

---

² Если «специальные новостные программы или статьи в газетах предоставляли малейшую возможность для подробного освещения вопроса, люди не желали с ними знакомиться... граждане не читают и не изучают внимательно пространственные версии при освещении выборов в газетах и журналах. Новости с массой специфических фактов однозначно характеризовались как скучные, приводящие в замешательство», — пишет Д. Грабер [5].

являющихся непроблематичным основанием жизненного мира. Разоблачение же такого рода редуцированности собственно и подвергается табуированию в понятных целях и ради социального согласия, психической стабильности личности, культурной самоидентификации членов сообщества.

В этом смысле утаивание фактической комплексности информации действительно выступает важным условием нормального функционирования общества и культуры. Липпман красочно изображает подобное редуцированное восприятие мисс Шервин — героини романа Синклера Льюиса «Главная улица»³.

В домодерных обществах из-под коммуникативного обсуждения прежде всего выводятся основания социального порядка, ценности, идеалы, основания морали и религии, принципы государственного устройства. Тематизация оснований социального порядка может здесь оказаться разрушительной. Действительно, если мораль является универсальной оценкой, т.е. любое действие, переживание и коммуникация могут оцениваться на предмет их достоинства/недостойности, то почему тот же вопрос не применить к божеству, власти и даже самой морали? Почему власть, бог и даже сама мораль должны быть достойными, когда столь же вероятно другая возможность.

Домодерные общества конституированы сакрализацией, запретами, тайной, цензурой. Тайна и запрет на многие публичные обсуждения, формирование коллективных представлений выступают эффективным средством от коррупции в широком смысле этого слова, т.е. от порчи социального порядка. В чем функция сакрализации?

На мой взгляд, тайна в домодерных обществах, запреты на публичное знание выступают гарантией от ошибки и злоупотребления знанием, средством нейтрализации рискованных коммуникаций, но главное — тайна решает важную интеграционную задачу.

Тайна связывает общность через отказ от общего знания. Идентичный предмет у разных наблюдателей приобретает различный смысл в зависимости от позиции наблюдения. Планета Венера может быть утренней или вечерней звездой в разных временных перспективах. Между тем то, что от наблюдателей скрыто, как раз и является общим и объединяющим. На этом базируется фундаментальное логическое различие смысла и значения. (Значение, т.е. самотождественный предмет, в нашем примере — планета Венера, доступен только наблюдателю второго порядка. В условиях отсутствия возможностей наблюдения второго порядка или информационно-ориентированной коммуникации запрет на общее знание предмета является наиболее эффективной технологией.)

Домодерные общества дифференцируются вдоль оси, разъединяющей знание и незнание. Если общее знание не получает публичного выражения, никто не ошибется в его применении, никто не прибегнет к обману и не сможет этим знанием злоупотребить. О сакральном запрещено говорить, а значит, оно не может подвергаться коррупции словами, искажению и вредоносным магическим воздействиям. Именно такого рода *запрет на*

---

³ «Мисс Шервин из маленького городка Гофер-Прери понимает, что где-то во Франции бушует война, и пытается осознать это. Она никогда не была во Франции и, конечно, никогда не сталкивалась с тем, что называется линией фронта. Картинки, на которых изображены французские и немецкие солдаты, она видела, но совершенно не способна представить себе три миллиона мужчин. На самом деле никто не может этого себе представить. Даже профессионалы. Они думают о них, скажем, как о двух сотнях дивизий. Но у мисс Шервин нет доступа к картам сражений, и поэтому, если она думает о войне, то связывает ее с Жоффром и Кайзером, воображая, будто они сошлись в личном поединке. Вероятно, если бы можно было посмотреть, что она видит своим внутренним взором, не исключено, что образ, который возник в ее сознании, похож на гравюру XVIII в., изображающую великого воина. Он невозмутим и отважен. Его фигура, выполненная более чем в полный рост, помещена на фоне армии, представленной у него за спиной в виде рядов маленьких аккуратных фигурок».

обсуждение общего знания и выработку коллективных представлений связывает сообщества через элиминацию рискованных обсуждений.

То обстоятельство, что в России общественная жизнь регулируется тайной, а также запретом на публичное обсуждение важнейших сфер жизни, я думаю, ни у кого не вызывает сомнений.

Политическое управление осуществляется нелегитимными структурами, не регулируемые публичным правом, каковыми является, например, администрация президента, не говоря уже о кооперативе «Озеро». Эти структуры, по сути, выступают аналогами традиционных тайных советов.

Основания важнейших политических решений обычно не публикуются и не разъясняются. Нет внятных объяснений, почему была осуществлена рокировка в правящем тандеме, несмотря на декларируемую успешность предыдущего президентского срока.

Средства публичной коммуникации подвергаются цензуре.

Личности высших политиков сакрализованы, частная жизнь публичных политиков является тайной.

В хозяйственной сфере госзакупки и госконтракты осуществляются при минимизации публичных процедур — публичных торгов и тендеров.

В политической сфере правящий политический класс представляет собой замкнутую корпорацию, инфильтрация в которую возможна некоторым весьма таинственным способом, на основе очень неясной процедуры. Так же табуирован вопрос о том, почему доступ к власти имеют лишь данные лица, а не какие-то иные.

В сфере духовной жизни монопольное положение получает религиозная идеология, но вопросы, почему именно она и почему именно представители церкви получают монополию в доступе к определению общественной морали, выведены из публичного дискурса.

Итак, не вызывает сомнения, что современное российское общество организуется посредством введения коммуникативных запретов, т.е. запретов на обсуждение актуальных тем и предметов. Но что является альтернативой сакрализованному обществу? С точки зрения нашего подхода, жестко разделяющего мотивационно-интеграционные и информационные коммуникативные технологии, такой альтернативой является общество информационное. Речь идет не только о компьютерной переработке данных, не только о средствах телекоммуникации и социальных сетях. Речь идет об информационном обществе в некотором фундаментальном смысле, о важнейшей трансформации самой структуры коммуникации, которую пережили общества западного типа. Современные общества суть общества, в которых доминирует объективистская установка. Ключевой проблемой общения является (получающий медийную презентацию, т.е. публикующийся) предмет общения, но никак не сама коммуникация, оцениваемая на предмет ее опасности (или полезности) для поддержания общественной стабильности.

Классический пример — концепция латентных функций Роберта Мертона [3]. По мнению Мертона, в мифологических нарративах и ритуалах домодерных обществ предметом коммуникации собственно и является сама коммуникация. Так, в магических коммуникациях, магическом ритуале вызова дождя предметом коммуникативного обсуждения служит вовсе не такое ситуативно-желательное природное явление, как дождь. Латентным предметом обсуждения де-факто оказывается сплоченность сообщества. Ведь именно посредством магических коммуникаций члены сообщества обретают возможность убедиться в групповой солидарности, и именно в этом состоит эффективность магических практик —

коммуникативных технологий в традиционных домодерных обществах. В этом смысле коммуникации в примитивных обществах принципиально самореферентальны: коммуникативные сообщения, представляющиеся обращением к божеству или тотему, на деле сообщают лишь о себе самих. Они не предлагают никакой информации о внешнем мире этого сообщества. Магические танцы, ритуалы и нарративы имеют референтом особого типа сообщение — *message* групповой сплоченности. Итак, коммуникации в домодерных обществах связаны с описаниями внешнего мира, и прежде всего с самоописанием некоторого сообщества, т.е. с самореферентностью, а не инореферентностью.

Вышеозначенная традиционная самореферентальная специфика общения характерна для российского общества и российской власти. В российском обществе любое требование публичности, объективной информации, скажем, результатов выборов, реальных предпочтений избирателей и рейтингов, интерпретируется как самореферентальное сообщение. Власть усматривает в объективных описаниях реальности в лучшем случае чужие притязания на власть, а в худшем — происки внешних врагов. Обсуждается не информационная составляющая коммуникации, не предлагаемая к обсуждению тема, а то, какой характер и смысл несет данная коммуникация. В коммуникациях оппозиции ищут мотивы, ангажированность, фиксируют опасность оппозиционного дискурса для социальной стабильности и интеграции. При этом речь не идет о некоем злом умысле. В данном случае речь идет о принципиально домодерном типе общения, где в коммуникативном сообщении прежде всего усматривается его мотивационно-интеграционная семантика, а не притязание на информативное описание ситуации.

Притязание на сообщение информации об объективном положении дел отклоняется и цензурируется не по объективным основаниям, а на основе характера самого сообщения, например, в силу подозрения в некоей злонамеренности. Заявления наблюдателей на выборах интерпретируются как заявления заведомых клеветников, т.е. из *предметного* измерения коммуникации полюс обсуждения смещается в область измерения *коллективно-личностного*. В целом же проблема информативности коммуникации заменяется проблемой мотивированности коммуникации, проблемой опасности таких обсуждений для сплоченности сообщества, его стабильности (и в этом смысле предметное измерение коммуникации смещается в область измерения временного). Стабильность получает приоритет перед информацией.

Возможно ли в российских условиях совмещение социальной стабильности и информативного характера общения? Возможна ли неконфликтная переработка объективной информации? Как выбраться из замкнутости коммуникации внутри самой себя, где из всякого сообщения извлекается исключительно информация о сплоченности коллектива, о том, настроен ли контрагент на конфликт или на консенсус? Может ли быть решена проблема *взаимообусловленности* акторов (*эго* и *другого*) в рамках сообщества? (*Эго* в домодерных обществах интерпретирует *другого* как *другого эго*, локализует в другом собственные ожидания. Эту ориентированность воспроизводит современная российская власть: любые объективные критические описания социально-экономической ситуации со стороны оппозиции она интерпретирует как властное притязание, как политически-мотивированное, т.е. локализует в *другом* свои мотивации.)

В современных обществах западного типа достигнут необходимый баланс социальной сплоченности и информативности. Современные общества отличаются от домодерных прежде всего переходом от мотивационной или интеграционной коммуникации к коммуникации

преимущественно информационной. В современных обществах конфликты операционализируются и превращаются в источники инноваций. Так, например, обстоит дело в научной коммуникации с ее конкуренцией индексов цитирования. Так обстоит дело в хозяйстве с конкуренцией цен. Сходная ситуация имеет место и в системах массмедиа с конкуренцией новостей за новизну. Так же обстоит дело в рамках судебного производства, где конкурируют защита и обвинение. Во всех перечисленных сферах конфликт неизменно связан с *публичной* презентацией конкурирующих позиций, а не с тайным отбором и запретом тех или иных сообщений.

Нет никаких оснований отказываться от возможностей модернизировать и политическую коммуникацию в России путем операционализации и оптимизации политических конфликтов. Последние как раз и связаны с резко различающимися ресурсами наблюдения у власти и оппозиции. Возможностей осуществлять информационные или объективные описания у оппозиции гораздо больше в силу того простого обстоятельства, что она не участвует в актуальном управлении, не принимает все новые коллективно-обязательные решения, не транслирует властные распоряжения вдоль властной вертикали. Оппозиция свободна от самореференциальных процессов. Она менее обременена необходимостью укреплять так называемую стабильность задачами поддержания некоторого, пусть минимального, уровня интеграции. Говоря проще, на оппозицию не давит груз необходимости реактивно отвечать решениями на актуальные вызовы и угрозы, но именно поэтому оппозиция *наблюдает* и видит больше и дальше. Именно она реализует в современных обществах западного типа функции инореференции, сталкивается с неким глобальным, а не только с актуальным пространством и временем внешнего мира.

Объективистская установка, столкновение конкурирующих информационных описаний внешнего мира только по видимости чревато конфликтами. В современных обществах западного типа обособленность систем общения, политической, экономической, политической, религиозной, научной сфер переводит конфликты в обособленные сферы. Конфликты не затрагивают общество в целом. Общество представляет собой огромный корабль, разделенный на множество отсеков. Кризис или прорыв в одном из них не воздействует на общую плавучесть. В этом смысле политика не представляет какую-то исключительную сферу, доминирующую над всеми иными типами общения или социальными системами. И в России в рамках политики не должна доминировать коммуникация, ориентированная исключительно на поддержание социальной сплоченности, на стабильность. Напротив, возможности конфликтных столкновений власти и оппозиции, или, что то же самое, интеграционных и информационных сообщений и описаний общества динамизируют, но не разрушают общество. Условием же отбора более успешных позиций является их публичная презентация.

Итак, ключевым маркером современности является трансформация традиционной коммуникации и соответствующих коммуникативных технологий, которые способны иметь, как минимум, две социально-технологические составляющие: одни мотивируют интеграционно и обеспечивают сплоченное поведение, другие предлагают информативные описания внешнего мира. Именно второй полюс предполагает публичность — отказ от тайны и коммуникативных запретов.

Кейс-стади: наблюдения второго порядка в российском избирательном процессе. Полевое исследование

В современном российском обществе конфронтируют две коммуникативные технологии: предметно-информационная и мотивационно-консенсусная. Их столкновение можно проследить на прошедших парламентских выборах и выборах Президента РФ.

Российская избирательная ситуация существенно отличается от ситуации в обществах западного типа, где задаче контроля и наблюдения отвечает автоматизированная (техническая в подлинном смысле слова) предметно-информационная технология, где влияние ориентированного на согласие типа коммуникации сведено к нулю. Иными словами, согласие в отношении результатов наблюдения (контроля) над выборным процессом достигается автоматически, не требует введения дополнительных средств. Информация, поступающая из избирательных комиссий, с необходимостью обеспечивает консенсус в обсуждении результатов выборов.

В России как в стране переходного состояния функция наблюдения или технологии контроля выборов осуществляется не специально отдифференцировавшейся ради данной функции независимой коммуникативной системы (ЦИК, ТИК, УИК), а конкурирующими коммуникативными системами, причем каждая из них реализует свою коммуникативную технологию и собственное наблюдение второго порядка (наблюдение над наблюдателями).

Консенсусно-мотивационная коммуникативная технология (наблюдение за наблюдающими избирательными комиссиями) реализуется аппаратом правящей партии. Информационно-предметная коммуникативная технология реализуется рядом независимых институтов (ассоциации «Голос», «Гражданин Наблюдатель», «Лига избирателей» и др.).

Автор статьи лично участвовал в реализации коммуникативных технологий второго типа в качестве члена участковой избирательной комиссии с правом совещательного голоса на участке 2553 в районе Ново-Переделкино города Москвы (школа № 1467), скандально известной результатами партии «Единой России» на выборах, в разы превышающие результаты ЕР на соседних участках.

Основной вид социальных технологий, реализуемых на президентских выборах 2012 г., можно обозначить как редукцию *безличных коммуникативных отношений* (выстраиваемых на основе обобщенных *символических медиа и бинарных кодов*) к коммуникативным отношениям *face-to-face* (предполагающим коммуникативное согласие, зависящее от личных отношений, предпочтений и фактических зависимостей в иерархиях).

В современной избирательной коммуникации такими медиа выступают личные данные избирателей, представленные в виде *списков* в книгах избирателей. В свою очередь, *избирательный бюллетень* — это *бинарный код* (или форма медиума) избирательной коммуникации, получающий принципиально два (негативное и позитивное) значения⁴. В современном обществе западного типа указанные обобщенные символические медиа претендуют на объективное, или информационно-значимую символическую презентацию той

---

⁴ Избирательный бюллетень как бинарный код или форма, накладываемая на медиа (массивы личных данных, занесенных в книги избирателей), представляет собой функциональный аналог дистинкций «форма/медиум», реализовавшихся в других коммуникативных системах (науки с бинарным кодом истины/лжи, юридической системы с бинарным кодированием законного/незаконного, политической системы с бинарным кодом власти/оппозиции, хозяйства с бинарным кодом или коммуникативным медиа — денег) [2]. Коммуникация, ориентированная на обособившиеся бинарные коды, очевидно, не зависит от личных отношений и предлагает иные способы достижения консенсуса и (операционализацию конфликтов), нежели коммуникация *face-to-face*.

или иной актуальной структуры интересов (и в какой-то степени социальной структуры) того или иного общества.

Практически социальная технология редукции предметно-ориентированного наблюдения к отношениям face-to-face реализовывалась следующим образом. В рамках УИКа было организовано сплоченное ядро, состоящее из лиц, связанных личными связями и должностной зависимостью, а члены комиссии от партий и независимые члены комиссии эксклюдировались по самым разным — произвольным личностно интерпретируемым — основаниям.

Вторым типом редукции избирательного процесса к face-to-face-коммуникации стало составление дополнительного списка лиц, якобы работающих на предприятиях непрерывного цикла. Как правило, в эту группу рекрутировались люди, лично известные членам УИКа или согласившиеся под персональным давлением начальства принять участие в голосовании в чужом избирательном округе. Ситуация интерпретировалась членами УИК так, как будто эти лица не имели возможности в связи с профессиональной занятостью голосовать на своем участке. Число такого рода предприятий непрерывного цикла неожиданно возросло в десятки раз в течение двух месяцев (с декабрьских выборов Государственной Думы)⁵. Здесь же реализовывался и третий вид коммуникативных технологий, который можно назвать субъективизацией избирательного процесса. Речь идет о голосовании по так называемым открепительным удостоверениям. Благодаря этому российскому ноу-хау в объективное (ориентированное на автономные медиа коммуникации) протекание избирательной коммуникации вводятся переменные личного характера, конкретная ситуация индивида, не способного по личным обстоятельствам присутствовать в день голосования на своем участке.

Одновременно независимые наблюдатели и наблюдатели от партий пытались реализовать предметно-информационный тип коммуникативных технологий и соответствующий тип наблюдений, ориентированных на «объективные» медиакоммуникации — фактические личные (паспортные) данные, находящиеся в избирательных списках. Так, была попытка проконтролировать соответствие данных паспортов избирателей паспортным данным в книгах избирателей. Однако председатель УИК произвольным личным решением запретила смотреть паспорта. Таким образом, возможность голосовать по спискам получили лица, предположительно персонально рекрутированные для участия в голосовании. Излишне говорить, что в основании аргумента председателя лежала традиционалистская установка на сохранение тайны личных данных.

Технология редукции объективно-формализованного избирательного процесса к face-to-face-коммуникации, помимо прочего, выражалась в персональном давлении, оказываемом на наблюдателей УИК со стороны начальства. Наша попытка реализации разоблачающего тайну информационно-ориентированного наблюдения (контроля соответствия паспортных данных и списков) встретила отпор со стороны председателя ТИКа. (Причем поскольку последний не предоставил соответствующего формального удостоверения, попытка реализации face-to-face-отношений была отклонена⁶.) Воспользовавшись возникшим вакуумом, наблюдатели начали контролировать паспортные данные избирателей, возвращая

⁵ Иллюстрацию этой ситуации — отсутствие избирателей у «нормальных» столов с книгами избирателей и толпу «избирателей» у столов с «дополнительными» книгами см. на U-Tube: <http://www.youtube.com/watch?v=BnWBC7V0mjw&feature=youtu.be>.

⁶ Иллюстрацию личного давления, оказываемого на члена УИК, см. на U-tube: <http://www.youtube.com/watch?v=yJfsB0ic6jl>.

избирательную коммуникацию в русло ориентированности на соответствующий — объективный — коммуникативный медиум.

Важным фактором объективации face-to-face-коммуникации и возвращения в предметно- и информационно-ориентированный модус стало присутствие новых типов распространения коммуникации: видео- и звуковая фиксация. Это новое средство распространения коммуникации объективировало процесс посредством синхронизации событий в пространственно-временном измерении коммуникации и четкой локализации коммуникативных событий в заданной точке пространства и времени, что существенно ограничивало возможности личного произвола в рамках личностно-коллективного измерения коммуникации.

В целом, применительно к избирательным технологиям предметно-ориентированное измерение коммуникации и ее пространственно-временное измерение взаимно обуславливают друг друга, тогда как коллективно-личностное измерение коммуникации (ее произвольно устанавливаемые значения и смыслы, зависимость от таких переменных, как личное давление и принуждение к согласию с группой) демонстрирует некоторую автономию и противостоит двум другим.

Литература

- 1 Липпман У. Общественное мнение. М. : ФОМ, 2004.
- 2 Луман Н. Медиа коммуникации. М. : Логос, 2006.
- 3 Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1996.
- 4 Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения. М. : ФОМ, 2004.
- 5 Graber D. Processing the news : how people tame the information tide. New York, 1984.